

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И ПЕДАГОГОВ

Н.Д. БУБЕРБАЕВ, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан (Республики Казахстан, г. Астана), e-mail: fairuz2982@mail.ru

Статья посвящена комплексной оценке состояния и восприятия латентной преступности несовершеннолетних в г. Астане на основе сравнительного анализа результатов анкетирования сотрудников полиции и педагогов организации среднего образования. Выявлены существенные различия в профессиональных оценках масштабов латентной преступности: полиция склонна рассматривать ее как сопоставимую или превышающую официально регистрируемую в уголовной статистике, тогда как педагоги, напротив, недооценивают уровень латентности, фиксируя преимущественно открытые проявления девиантного поведения. Проведенное анкетирование показало неодинаковое понимание структуры наиболее латентных преступлений – педагоги чаще фиксируют скрытые формы межличностного насилия, конфликтного поведения и систематической агрессии (буллинг) среди несовершеннолетних, в то время как полиция указывает на высокую латентность корыстных и корыстно-насильственных посягательств.

Особое внимание уделяется анализу факторов латентной преступности несовершеннолетних, которая включает изолированность несовершеннолетних в цифровой среде, дефицит родительского контроля, равнодушие взрослых, страх несовершеннолетних перед наказанием. Профилактическая работа в школах носит преимущественно формальный характер и опирается на внешние институты, тогда как взаимодействие образовательных учреждений и полиции остается несистемным. Автор обосновывает необходимость усиления межведомственного сотрудничества, развития цифровых методик мониторинга, повышения информированности педагогов и укрепления роли семьи в профилактике латентной преступности несовершеннолетних. Результаты исследования вносят значимый вклад в понимание специфики формирования и выявления латентной преступности несовершеннолетних, подчеркивая важность согласования подходов различных профессиональных институтов.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, латентная преступность, девиантное поведение несовершеннолетних, факторы латентной преступности, выявление латентной преступности несовершеннолетних, профилактика преступности несовершеннолетних, меры предупреждения преступности несовершеннолетних.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что латентная преступность несовершеннолетних искажает реальное состояние преступности данной категории лиц, препятствует объективной оценке криминогенной обстановки и снижает эффективность профилактической работы. Скрытый характер значительной части преступлений несовершеннолетних препятствует реализации принципа неотвратимости ответственности и наказания, затрудняет своевременное выявление криминализации подростковой среды.

В научной литературе неоднократно отмечалось [1, с. 51-55], что официальная уголовная статистика отражает лишь часть фактически совершенных преступлений несовершеннолетних, тогда как значительный массив их противоправных деяний остается за гранью учета. Об этом

также свидетельствует и правоприменительная практика, которая указывает, что современные масштабы латентной преступности несовершеннолетних не позволяют дать объективную оценку преступности несовершеннолетних и затрудняют разработку эффективных мер их выявления и предупреждения [2].

Цель исследования – выявление детерминант латентной преступности несовершеннолетних в г. Астане на основе сравнительного анализа мнений двух целевых групп сотрудников полиции и педагогов организаций образования. Для достижения указанной цели были определены следующие задачи:

- исследовать восприятие уровня латентности преступности несовершеннолетних различными профессиональными группами;
- выявить детерминанты латентной преступности несовершеннолетних;
- проанализировать особенности взаимодействия органов полиции и организации образования выявления латентных преступлений несовершеннолетних;
- сформулировать основные направления совершенствования профилактической деятельности.

Новизна научного исследования заключается в том, что оно является первым эмпирическим исследованием в Казахстане, посвященным изучению латентной преступности несовершеннолетних в условиях г. Астаны путем проведения сравнительного анализа профессионального восприятия двух целевых групп (сотрудников полиции и педагогов организаций образования).

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании профилактической работы, развитии межведомственного взаимодействия и повышении эффективности в деятельности по выявлению латентных преступлений несовершеннолетних.

Материалы и методы

Анализ состояния латентной преступности несовершеннолетних в г. Астане был проведен на основе анкетирования двух целевых групп – сотрудников полиции и педагогов организации среднего образования (школ, лицеев, гимназии и т.п.). Данный подход позволил сопоставить восприятие скрытых форм преступного поведения с позиций правоохранительной практики и педагогической деятельности [3, с. 23]. В выборку вошли респонденты, непосредственно взаимодействующие с несовершеннолетними и обладающие возможностью фиксировать признаки преступления. Более того, выбор метода анкетирования связан с тем, что значительная часть информации о латентных преступлениях несовершеннолетних может быть получена только через профессиональные оценки лиц, постоянно контактирующих с ними. Такой методический подход обеспечил комплексность оценки с одной стороны, полиция рассматривает проблему через призму уголовно-правовых категорий, с другой – педагоги акцентируют внимание на межличностных конфликтах и скрытых формах преступлений в школьной среде.

Анкетирование проводилось анонимно с соблюдением принципов добровольного участия, конфиденциальности и исследовательской этики.

В выборку педагогов были включены учителя, классные руководители, а также представители администрации школ, лицеев и гимназий организации среднего образования г. Астаны, имеющих стаж работы не менее 2-х лет. Общее количество опрошенных педагогов организаций образования г. Астаны составило 157 респондентов. Выбор педагогов в качестве одной из целевых групп обусловлен тем, что образовательная среда является пространством, в котором наиболее часто проявляются скрытые формы девиантного поведения несовершеннолетних, а педагоги выступают в качестве ближайших наблюдателей их поведения.

Общее количество опрошенных сотрудников полиции г. Астаны составило 240 респондентов, в число которых вошли инспекторы по делам несовершеннолетних, участковые инспекторы, следователи, оперативные работники осуществляющие профилактику, раскрытие и расследование уголовных правонарушений несовершеннолетних.

В исследовании количественного соотношения зарегистрированной и латентной преступности применялся метод условной коэффициентной интерпретации результатов опроса. При этом

использовался не прямой статистический подсчет, а метод экспертно-оценочного моделирования, применяемый в криминологических исследованиях при отсутствии возможности установить фактический объем скрытой преступности эмпирическим путем. Кроме того, в исследовании применялись методы анкетирования, сравнительного анализа, сводки и группировки данных.

Обсуждение и результаты

По результатам анкетирования, 6,7 % опрошенных сотрудников полиции оценивают уровень латентной преступности как «очень высокий», 13,3 % – как «высокий», 46,7 % – как «средний». В совокупности это составляет 66,7 % респондентов, склонных считать скрытую преступность значимой. Только 18,7 % указали на низкий уровень и 14,7 % – на очень низкий. Такая картина позволяет предположить, что, по мнению сотрудников полиции, латентная преступность составляет около половины всего массива преступлений совершенных несовершеннолетними. В отдельных случаях она может превышать регистрируемую.

Кроме того, для получения итогового коэффициента каждой категории ответов был присвоен условный индекс латентности. Категория «очень высокий» уровень оценивалась коэффициентом 2,0, «высокий» – 1,5, «средний» – 1,0, «низкий» – 0,5 и «очень низкий» – 0,2. В результате, соотношение регистрируемой и латентной преступности, по оценкам полиции, выглядит как 1: 0,9–1,1. Иными словами, каждый зарегистрированный случай скрывает за собой еще одно преступление, остающееся вне официальной уголовной статистики.

Совсем иначе латентную преступность воспринимают педагоги. Согласно их ответам, 30,6 % респондентов отметили низкий уровень латентности, 26,5 % – очень низкий, еще 16,3 % – средний и только 8,2 % – высокий. При этом 18,4 % педагогов затруднились с ответом. То есть более половины опрошенных (57,1 %) уверены, что латентная преступность среди учащихся их школ имеет низкий или очень низкий уровень. Это позволяет заключить, что по мнению педагогов соотношение регистрируемой и латентной преступности составляет 1: 0,4, то есть регистрируемая преступность охватывает около 60–70% всех случаев, тогда как латентная составляет лишь 30–40 %.

Сравнение двух групп демонстрирует принципиальное расхождение в восприятии масштаба латентной преступности. Сотрудники полиции считают ее равной или даже превышающей зарегистрированную (50–70 % всего массива) преступность. Педагоги, наоборот, склонны минимизировать, полагая, что латентная преступность не превышает 20–30 %.

Причины такого расхождения кроются в различии профессионального восприятия. Сотрудники полиции располагают более широким массивом информации: оперативными данными, обращениями граждан, не вошедшими в единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР), сведениями из неформальных источников. Педагоги же фиксируют главным образом те проявления девиантного поведения, которые становятся очевидны в школьной среде. Закрытые формы насилия, кибербуллинг, правонарушения вне территории школы часто остаются для них невидимыми. Кроме того, значительная доля педагогов (18,4 %) затруднилась оценить уровень латентности, что указывает на недостаточную подготовку к выявлению скрытых форм девиации среди учащихся.

Среди высоко латентных преступлений присущих несовершеннолетним в г. Астане, по мнению сотрудников полиции остаются: хулиганство – 33,3 %; имущественные преступления – 26,7 %; насилие в отношении сверстников – 12 %; противоправные деяния связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами – 8 %; сексуальные посягательства – 4 %.

Данные показывают, что полиция склонна относить к высоко латентным в первую очередь имущественные (кражи) и насильственные (хулиганство, насилие) деяния [4, с. 15]. Причина такой оценки заключается в том, что подобные преступления часто не доходят до регистрации в ЕРДР. Потерпевшие и их родители предпочитают не обращаться в органы, решая конфликты самостоятельно или скрывая их из страха «проблем» для семьи и ребенка. Особенно это характерно для хищений, хулиганств, когда стороны считают их «несущественными», проявлениями детского озорства, шалости.

Низкие показатели посягательств на половые преступления (4 %) и преступления, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами (8 %), также показательны, так как сотрудники полиции признают их латентность, но указывают как относительно менее распро-

страненные явления в среде несовершеннолетних. Однако следует учитывать, что именно эти преступления относятся к «высоко латентным» видам противоправного поведения, и фактический уровень латентности здесь может быть выше, чем отражен в анкетах.

Совсем иной акцент делают педагоги. По их мнению, высоко латентными являются: причинение вреда здоровью – 33 %; хулиганство – 27,1 %; кражи – 10,4 %; вандализм – 4,2 %; насилие в семье – 4,2 %.

Для педагогов на первый план выходит причинение вреда здоровью, как форма латентного насилия, нередко протекающего в школьной среде. При этом в отличие от полиции, педагоги гораздо реже отмечают кражи и практически не фиксируют противоправные деяния связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами или сексуальные преступления. Это объясняется ограниченностью наблюдения. Педагог видит в первую очередь межличностные конфликты в школьном коллективе (травлю, агрессию, мелкое хулиганство), но остается «слепым» к преступлениям, которые совершаются вне стен школы или в закрытых социальных группах.

Причем почти 21 % педагогов указали, что «вообще не сталкивались» с латентной преступностью несовершеннолетних. Это отражает как низкую выявляемость отдельных форм противоправного поведения в школах, так и склонность части учителей минимизировать проблему.

Проведенное анкетирование сотрудников полиции, направленное на выявление детерминант, форм и механизмов латентной преступности несовершеннолетних, дало целостную картину профессионального восприятия этой проблемы.

По оценкам респондентов, наиболее часто остаются скрытыми такие преступления как хулиганство (33,3 %) и кражи (26,7 %), реже – насильственные посягательства (12 %), употребление, сбыт наркотических средств, психотропных веществ (8 %) и сексуальные преступления (4 %). Такая структура закономерна, ведь массовые и «бытовые» эпизоды чаще воспринимаются взрослыми как «подростковые выходки», решаются внутри семьи или школы и не сообщаются в полицию. Дополнительно к латентности преступности несовершеннолетних приводят страх огласки и бюрократические издержки, из за чего пострадавшие нередко предпочитают «замять» факт преступления [5, с. 5-16].

Ключевыми факторами сокрытия преступлений респонденты назвали безразличие взрослых (39,2 %), страх несовершеннолетних перед наказанием (25,7 %) и отказ потерпевших от заявления (20,3 %), недостаток работы профилактических органов упомянут существенно реже (6,8 %). Это распределение показывает, что решающая роль в формирования латентности принадлежит ближайшему социальному окружению несовершеннолетних – семье, школе, группе сверстников.

Именно в этой среде складываются привычки умалчивать о проступках, терпимо относиться к агрессии и избегать обращения в правоохранительные органы [6, с. 31-34]. Иными словами, скрытость преступности несовершеннолетних обусловлена, прежде всего социально-психологическими барьерами и практиками неформального урегулирования.

Уровень выявляемости латентной преступности, по оценкам сотрудников полиции, остается неоднозначным. Наибольшая доля респондентов (42,3 %) определила ее как «среднюю», еще 21,6 % считают работу «высокой». При этом 14,9 % признали, что целенаправленная работа по выявлению латентной преступности среди несовершеннолетних фактически не ведется. Эти данные показывают, что выявление скрытых преступлений несовершеннолетних носит во многом фрагментарный характер: оно осуществляется скорее по отдельным сигналам и обращениям, нежели в рамках системных и регулярных профилактических мероприятий.

Источники информации о латентной преступности несовершеннолетних распределились следующим образом: ведущим источником сотрудники назвали социальные сети (43,25 %). Существенную роль также играют сообщения родителей (25,7 %), но значительно меньший вклад дают педагоги и психологи (по 12,22 %), а также анонимные обращения (12,2 %). Такая структура указывает на то, что именно цифровая среда становится главным инструментом вскрытия скрытых форм преступности несовершеннолетних, в то время как традиционные институты профилактики (школа и семья) проявляют недостаточную активность.

Что касается территориального распределения, сотрудники полиции считают, что наиболее криминогенные зоны – это улицы и дворы (54,1 %), где несовершеннолетние находятся вне кон-

троля взрослых. На втором месте оказались места досуга (21,6 %) – клубы, парки, развлекательные центры, то есть пространства групповой социализации, потенциально сопряженные с девиацией. Значимую долю составила также интернет – среда (13,5 %), что подтверждает трансформацию преступности несовершеннолетних в цифровое измерение. При этом лишь 8,1 % преступлений, по мнению респондентов, совершаются непосредственно в школах, что свидетельствует о том, что контроль взрослых присутствующий в школе оказывает положительный профилактический эффект.

Ключевыми детерминантами преступности несовершеннолетних, по мнению сотрудников полиции, выступают низкий уровень семейного воспитания (32,4 %) и безнадзорность несовершеннолетних (25,7 %). Существенный вклад и криминализацию несовершеннолетних вносит также употребление алкоголя и наркотических средств, психотропных веществ (20,3 %). Отрицательное влияние сверстников (10,8 %) и отсутствие организованного досуга (8,1 %) оцениваются как менее значимые, однако их нельзя игнорировать, именно они выступают «катализаторами», усиливающими действие основных факторов.

Значительное внимание респонденты уделили роли семьи в формировании латентной преступности несовершеннолетних. Так 43,8 % опрошенных считают ее ключевой, еще 19,2 % отмечают значительное влияние, тогда как 23,3 % склонны видеть в семье лишь один из факторов среди прочих, и лишь 5,5 % респондентов считают ее роль незначительной. Такая структура мнений согласуется с ранее обозначенными детерминантами преступности, именно безразличие родителей, недостаток контроля за поведением и окружением несовершеннолетних чаще всего становятся источником сокрытия противоправных поступков.

Анкетирование показало, что сотрудничество полиции с организациями образования (школы, лицеи, гимназии и т.п.) оценивается сотрудниками неоднозначно. Лишь 33,8 % респондентов считают его системным и эффективным, тогда как большинство склонны видеть проблемы в сотрудничестве. 39,2 % говорят о достаточном, но не регулярном взаимодействии, 9,5 % характеризуют его как формальное, а 8,1 % заявили о полном отсутствии сотрудничества. Это означает, что только треть сотрудников реально ощущает поддержку со стороны образовательных учреждений, а в целом взаимодействие остается эпизодическим и несистемным, что ослабляет профилактический потенциал.

Большинство сотрудников полиции высоко оценивают значение социальных сетей и современных технологий для выявления латентных форм преступности несовершеннолетних. Так, 40,5 % респондентов признали их использование очень эффективным, еще 44,6 % – умеренно эффективным. Лишь небольшая часть (8,1 %) указала, что цифровые инструменты практически не применяются, и 6,8 % посчитали их неэффективными. Таким образом, 85 % сотрудников видят в цифровой среде значимый ресурс для профилактики и выявления латентных преступлений, однако степень практического освоения этих технологий остается ограниченной и требует систематизации.

В числе приоритетных направлений повышения выявляемости латентной преступности сотрудники назвали усиление профилактической работы в семьях (35,6 %), повышение правовой грамотности несовершеннолетних (30,1 %) и расширение межведомственного сотрудничества (17,8 %). Намного реже упоминались такие меры, как повышение квалификации сотрудников (9,6 %) и использование IT-аналитики (4,1 %). Это демонстрирует сохраняющуюся ориентацию полиции на традиционные методы профилактики – через семью, воспитание и межведомственные механизмы, при том, что новые технологические решения пока недооцениваются и воспринимаются скорее как второстепенные.

Анкетирование сотрудников полиции показало, что латентная преступность несовершеннолетних в г. Астане носит массовый и преимущественно «бытовой» характер (кражи, хулиганство), а ее скрытость формируется главным образом в ближайшем окружении несовершеннолетнего – семье, школе и среде сверстников. Ключевым детерминантом выступает дефицит родительского контроля и воспитания. При этом выявление латентных форм остается фрагментарным, сотрудники отмечают недостаточную системность процедур, слабое взаимодействие с образовательными организациями и ограниченное использование современных технологий. Несмотря на то, что большинство респондентов видят значительный потенциал цифровой среды в выявлении

скрытых преступлений, практическая интеграция этих инструментов остается низкой. В совокупности данные указывают на необходимость перехода от декларативных подходов к системным мерам – укреплению института семьи, развитию цифровых методик мониторинга и формированию устойчивых каналов межведомственного взаимодействия.

Анкетирование педагогов организации образования (школы, лицеи, гимназии и т.п.) показало, что подавляющее их большинство (91,8 %) считают, что в их школах профилактическая работа по предупреждению преступности несовершеннолетних проводится на регулярной основе. Небольшая часть респондентов отметила эпизодический характер такой деятельности (4,1 %), и столь же малая доля – ее полное отсутствие (4,1 %). Эти данные свидетельствуют о том, что формально профилактическая работа присутствует почти во всех образовательных организациях. Вместе с тем столь высокий показатель «регулярности» может отражать не столько реальную эффективность и глубину мероприятий, сколько выполнение школами установленных планов и нормативных требований. За декларируемой системностью может скрываться проблема качества и содержательности профилактики, часть мероприятий остается формальными и не всегда охватывает реальные факторы риска среди несовершеннолетних.

Распределение ответов на вопрос «Какие формы профилактической работы по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних применяются в Вашей школе» показывает, что в школах г. Астаны используется широкий спектр форм профилактической работы, однако их удельный вес сильно различается. Наиболее часто упоминаемой формой стали встречи с сотрудниками полиции (34,7 %), что указывает на доминирование «силового» подхода и ориентацию на внешний контроль. Значительно реже педагоги отмечают проведение тематических классных часов (12,1 %), привлечение родителей (8,2 %), внеклассные мероприятия профилактической направленности (8,2 %), психологическое сопровождение (8,2 %) и индивидуальную работу с несовершеннолетними «группы риска» (6,1 %). Такой же показатель имеют беседы с учащимися (6,1 %) и иные формы профилактики (6,1 %). Акцент в профилактике делается преимущественно на формальных мероприятиях, связанных с привлечением сотрудников полиции, тогда как методы, ориентированные на повседневную воспитательную работу внутри школы, родителей и психологическую поддержку, занимают второстепенное место. Это указывает на некоторую «внешнюю» модель профилактики, где школа передает ведущую роль правоохранительным органам, вместо того чтобы формировать собственную устойчивую систему педагогического и психологического воздействия.

На вопрос «На Ваш взгляд, какие причины и условия способствуют латентной (скрытой) преступности среди несовершеннолетних», педагоги видят ключевые причины латентности преступности несовершеннолетних прежде всего в сфере ближайшего окружения несовершеннолетних. Наибольшее значение респонденты придают недостаточному контролю со стороны семьи (44,9 %), что подтверждает решающую роль родительского внимания в предупреждении и своевременном выявлении противоправного поведения. Почти столь же значимым фактором педагоги считают безразличие со стороны самих педагогов и окружающих взрослых (38,8 %), что указывает на внутренние проблемы школьной среды: неготовность или нежелание своевременно реагировать на тревожные сигналы. Важным блоком причин выделяются и социальные сети и интернет-контент (38,8 %), которые, по мнению педагогов, оказывают прямое влияние на распространение моделей насилия, агрессии и иных девиантных форм поведения, формируя у несовершеннолетних искаженные ориентиры и снижая барьеры перед совершением противоправных действий [7, с. 109-116].

Значительно реже отмечаются такие факторы, как незрелость механизмов выявления скрытых преступлений (8,2 %), страх несовершеннолетних перед наказанием (6,1 %) и поддержка противоправного поведения со стороны сверстников (2 %). Их низкая представленность в ответах говорит о том, что педагоги воспринимают проблему латентности в первую очередь как следствие дефицита контроля и внимания со стороны взрослых, а не как результат давления подростковой среды или иных пробелов.

По мнению педагогов, латентная преступность формируется в первую очередь из-за слабого участия взрослых (родителей и педагогов) в жизни несовершеннолетних и отсутствия адекватного реагирования на девиантные проявления, тогда как внешние факторы оцениваются ими как второстепенные.

При ответе на вопрос о наиболее эффективных мерах профилактики латентной преступности несовершеннолетних педагоги в первую очередь выделили повышение ответственности родителей (51 %). Этот результат демонстрирует, что именно семья рассматривается ими как главный субъект воспитания и контроля, а ее пассивность или невнимательность воспринимается как ключевая причина сокрытия и невовлечения несовершеннолетних в систему профилактики. На втором месте оказались совместные программы школы и полиции (26,5 %), что отражает потребность педагогов в более тесном межведомственном сотрудничестве и практической поддержке со стороны правоохранительных органов. Школа при этом признает собственные ограниченные ресурсы и видит необходимость координации с внешними институтами.

Существенно меньше респондентов отметили индивидуальную работу с несовершеннолетними (14,3 %). Несмотря на то, что этот инструмент является одним из наиболее адресных и эффективных, педагоги, вероятно, связывают его с высокой трудоемкостью и ограниченными кадровыми возможностями. Наименее значимым педагоги сочли ужесточение школьной дисциплины (6,1 %), что указывает на смещение акцентов. Акцент делается не на карательные меры внутри школы, а на вовлечение семьи и межведомственное сотрудничество. Такая структура мнений показывает, что педагоги склонны рассматривать профилактику скрытой преступности не как задачу только школы, а как результат совместных усилий семьи, полиции и образовательной среды.

На вопрос «Случалось ли, чтобы учащиеся доверительно рассказывали Вам о совершенных ими или другими несовершеннолетними преступлениях, о которых не стало известно правоохранительным органам?» результаты сложились следующим образом, в большинстве случаев учащиеся не делаются с педагогами информацией о совершенных ими или сверстниками преступлениях, так ответили 67,3 % педагогов. Еще 10,2 % затруднились с ответом, что также можно интерпретировать как отсутствие доверительных отношений между педагогом и несовершеннолетним. Лишь 16,3 % респондентов сообщили, что такие случаи происходили неоднократно, и еще 6,1 % – что сталкивались с этим один или два раза. Это указывает на крайне низкий уровень доверия несовершеннолетних к педагогам как к источнику помощи и защиты в ситуациях, связанных с правонарушениями.

Фактически только 1/5 часть педагогов (22,4 %) имели опыт доверительных признаний со стороны учеников. Такая ситуация объясняется несколькими факторами: несовершеннолетние опасаются последствий огласки, боятся наказания со стороны родителей или правоохранительных органов, а также сомневаются в конфиденциальности разговора с педагогом. В результате значительная часть латентной преступности остается вне поля зрения школы, а значит и профилактическая работа сталкивается с серьезными ограничениями.

Среди педагогов, которым учащиеся доверительно рассказывали о скрытых правонарушениях, ответы распределялись следующим образом 33,3 % сообщили о таких случаях администрации школы. Еще 33,3 % попытались урегулировать ситуацию внутри образовательного учреждения собственными силами. Лишь 7,7 % респондентов сообщили в полицию, а 2,6 % отметили иные варианты. Характерно, что ни один опрошенных педагогов не указал, что информация о возможном правонарушении несовершеннолетнего была оставлена без внимания или соответствующего реагирования со стороны школы. Такая картина свидетельствует о том, что педагоги в первую очередь стремятся решать проблему в рамках школы, не прибегая к передаче информации в органы полиции. Это отражает как опасения педагогов «навредить» несовершеннолетнему чрезмерной оглаской, так и общее стремление сохранить конфликты в границах образовательной среды.

В то же время крайне низкий процент обращений в полицию (7,7 %) указывает на слабую институциональную связь между школой и правоохранительными органами в вопросах выявления латентной преступности. Это создает риск, что серьезные противоправные действия могут оставаться недооцененными и не получать адекватного правового реагирования.

Оценка педагогами реакции полиции на сообщения о преступлениях несовершеннолетних показывает неоднозначную картину. Почти половина респондентов (44,2 %) отметили, что полиция действовала оперативно и несовершеннолетний понес предусмотренную законом ответственность. Вместе с тем 11,6 % указали на формальный характер реакции, когда серьезных мер принято не было, а 4,7 % считают, что ситуация вовсе осталась без последствий для виновного. Достаточно велика доля педагогов (20,6 %), которые затруднились оценить дальнейшее развитие

ситуации, поскольку не имели доступа к информации о том, какие меры были предприняты после их сообщения. Небольшая часть (2,3 %) отметила «иные» варианты.

Таким образом, хотя почти половина респондентов положительно оценивают реакцию полиции, совокупность ответов указывает на наличие проблем с эффективностью и прозрачностью работы правоохранительных органов. В частности, педагоги фиксируют случаи формального реагирования и недостаточной обратной связи, что может снижать их готовность обращаться в полицию в дальнейшем.

Ответы педагогов на вопрос «Принимаются ли меры к несовершеннолетним, совершившим преступления, если информация поступила неофициально (например, от учителя, а не в виде заявления в полицию)» показывают, что в большинстве случаев (58,3 %) правоохранительные органы реагируют даже на неофициальные обращения, если информация о правонарушении поступает, например, от учителя или другого взрослого. Вместе с тем 20,8 % респондентов отмечают избирательный подход, меры принимаются не всегда, а только в зависимости от тяжести конкретного случая. Небольшая часть педагогов (4,2 %) уверены, что без официального заявления никакой реакции не следует, а 16,7 % затруднились с ответом.

Таким образом, можно заключить, что неофициальные каналы сообщения о преступлениях несовершеннолетних все же играют заметную роль в профилактике и реагировании. Однако выборочность мер и отсутствие единообразного подхода ослабляют доверие педагогов к таким механизмам, что может снижать их активность в передаче подобной информации.

На вопрос о том, какие меры могли бы повысить эффективность реакции полиции на преступность несовершеннолетних, педагоги чаще всего называли необходимость усиления ответственности родителей (35,4 %). Этот ответ подтверждает представление о том, что именно семья играет ключевую роль в профилактике, и должна нести большую долю ответственности за действия своих детей. На втором месте – предложение о повышении квалификации инспекторов ювенальной полиции (20,8 %), что указывает на ожидания педагогов в отношении более профессиональной и компетентной работы сотрудников полиции.

Значимым направлением также признано усиление взаимодействия полиции с системой образования (18,8 %). Этот результат отражает необходимость налаживания более тесного и постоянного сотрудничества между школой и полицией. Менее востребованными оказались идеи о развитии школьной медиации и ювенальных практик (12,5 %) и введения обязательного реагирования на обращения школ (6,3 %). Последний показатель можно объяснить тем, что часть педагогов и так воспринимает подобное реагирование как должное.

Педагоги демонстрируют достаточно сдержанные оценки распространенности латентной преступности несовершеннолетних. Лишь 8,3 % считают, что такие случаи происходят очень часто, и еще 16,7 % – довольно часто. Столько же (16,7 %) респондентов полагают, что подобные ситуации редки. Интересно, что четверть опрошенных (25 %) уверены, что случаи, когда преступления остаются неизвестными правоохранительным органам, практически не происходят. Это говорит о высокой степени доверия к существующим механизмам контроля и профилактики или же о недостаточной информированности педагогов о скрытых формах девиантного поведения.

Наибольшая группа педагогов (33,3 %) затруднилась оценить распространенность случаев, при которых преступления несовершеннолетних остаются неизвестными органам полиции. Такой высокий показатель неопределенности может свидетельствовать о том, что педагоги не располагают достаточными знаниями или опытом для объективной оценки распространенности латентных преступлений среди несовершеннолетних.

Среди латентных преступлений, с которыми педагоги лично сталкивались, или о которых слышали от коллег, ведущее место занимает межличностное насилие, выражающееся в причинении вреда здоровью, побоях (33 %). Это указывает на то, что именно травля сверстников остается наиболее заметной, но при этом часто скрытой формой девиантного поведения в школьной среде. На втором месте – хулиганство (27,1 %), которое также нередко не фиксируется официально, а решается в рамках школы или семьи без обращения в полицию.

Существенно реже упоминались кражи (10,4 %), вандализм (4,2 %) и насилие в семье (4,2 %). При этом такие категории, как сексуальные посягательства или вымогательство, в ответах педаго-

гов вовсе не фигурировали, что можно объяснить как редкостью их фиксации в образовательной среде, так и закрытостью самих жертв и нежеланием раскрывать подобные факты. Отдельно стоит отметить, что 20,8 % педагогов заявили, что вовсе не сталкивались с латентной преступностью среди несовершеннолетних. Этот показатель может свидетельствовать либо о низкой выявляемости скрытых форм девиации, либо о том, что педагоги воспринимают многие правонарушения как «нормальные конфликты» и не относят их к преступлениям.

Среди факторов, препятствующих выявлению преступлений несовершеннолетних, наиболее значимой причиной педагоги назвали пассивность или равнодушие родителей (29,2 %). Это подтверждает тезис о том, что именно семейное окружение играет ключевую роль в формировании условий латентности. Родители предпочитают умалчивать о проступках детей, чтобы сохранить «благополучный» имидж семьи или избежать конфликта с полицией. На втором месте оказался страх несовершеннолетних перед наказанием (27,1 %), что указывает на сильное влияние фактора потенциального наказания. Несовершеннолетние осознают последствия своих поступков, но выбирают сокрытие вместо открытого признания, чтобы избежать наказания, как со стороны родителей, так и со стороны школы или полиции.

Достаточно весомым оказался и показатель страха потерять доверие сверстников (22,9 %). Это подчеркивает значимость среды несовершеннолетних, ориентация на мнение группы нередко становится важнее норм закона и морали, что усиливает закрытость преступного поведения внутри коллектива. Отсутствие доверия к взрослым (14,6 %) отражает кризис коммуникации между поколениями, несовершеннолетние не воспринимают учителей и полицейских как фигуры, способные защитить их интересы, что снижает готовность сообщать о происшествии. Наименее значимой причиной педагоги считают позицию самих учителей (4,2 %), что может объясняться как редкостью открытых случаев замалчивания, так и стремлением педагогов продемонстрировать нейтральность.

Анализ ответов на вопрос «Как Вы оцениваете деятельность полиции по выявлению и предупреждению латентных (скрытых) преступлений, совершаемых несовершеннолетними» показывает достаточно сдержанную, но в целом умеренно позитивную оценку работы полиции педагогами. Большинство респондентов (55,3 %) охарактеризовали деятельность полиции как «удовлетворительную». Это говорит о том, что педагоги признают наличие работы по выявлению и предупреждению скрытых преступлений, однако отмечают ее ограниченность и недостаточную эффективность. Работа полиции воспринимается скорее, как эпизодическая и частичная, чем как системная и охватывающая весь спектр проблем. При этом 25,5 % респондентов оценили деятельность полиции как «эффективную», отметив использование современных методов и активность в профилактике. Этот результат демонстрирует наличие позитивного опыта сотрудничества школ с правоохранительными органами, но его распространенность все же ограничена.

Лишь 4,3 % педагогов указали на «неэффективность» полиции, то есть полное отсутствие результатов. Этот небольшой показатель можно трактовать как исключение, отражающее либо специфические локальные случаи, либо низкую вовлеченность отдельных школ в профилактическое взаимодействие. Наконец, достаточно заметная доля респондентов – 14,9 % – затруднились с ответом. Это может свидетельствовать о недостаточной информированности педагогов о деятельности полиции в сфере латентной преступности или о том, что их школы сталкиваются с этой проблемой крайне редко и не имеют четкой позиции. В целом, педагоги видят в полиции партнера, но считают ее работу в сфере латентной преступности несовершеннолетних недостаточно системной и эффективной, требующей большего охвата и регулярности.

Обобщенный вывод по результатам анкетирования педагогов показывает, что в школах г. Астаны профилактическая работа формально носит регулярный характер, однако ее эффективность вызывает сомнения. Доминирование встреч с сотрудниками полиции при низкой доле педагогических и психологических методов свидетельствует о «внешней» модели профилактики, когда школа во многом перекладывает ответственность на полицию.

Педагоги видят ключевые причины латентной преступности несовершеннолетних в недостатке родительского контроля и равнодушии взрослых, а также в негативном влиянии цифровой среды. При этом факторы, связанные с подростковой средой (поддержка сверстников, страх потерять

доверие) или институциональные пробелы (слабость механизмов выявления), оцениваются как менее значимые.

Низкий уровень доверительных обращений учащихся к педагогам указывает на проблему коммуникации. Школа не воспринимается несовершеннолетними как безопасное пространство для обсуждения противоправных действий. Даже в случаях получения такой информации педагоги чаще решают проблему внутри школы, редко обращаясь в полицию, что снижает вероятность адекватного правового реагирования.

Оценки эффективности деятельности полиции в целом умеренно положительные, педагоги признают ее важную роль, но отмечают недостаточную системность. Наиболее востребованными мерами они считают повышение ответственности родителей, развитие совместных программ школы и полиции, а также рост профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

Заключение

Анализ показал, что реальная картина латентной преступности несовершеннолетних в г. Астане значительно расходится в восприятии разных профессиональных групп. Полиция оперирует уголовно-правовыми категориями, педагоги – образовательной и социально-психологической сферой. По оценкам полиции, ее уровень сопоставим с регистрируемой преступностью или даже немного выше, в то время как педагоги фиксируют в основном зарегистрированные преступления и оценивают латентность как низкую.

Эти различия свидетельствуют о необходимости повышения информированности педагогов о формах латентной преступности и методиках ее выявления, формирования устойчивого механизма обмена информацией между школами и правоохранительными органами, разработки унифицированных индикаторов оценки латентности, позволяющих сопоставлять представления различных профессиональных групп.

Профилактика латентной преступности в школьной среде во многом страдает от формальности, ограниченности доверия и смещения акцента с внутренних ресурсов школы на внешние институты [8, с. 167-174]. Педагоги единодушно подтверждают ключевую роль семьи и взрослых в целом, но при этом недостаточно активно используют собственный потенциал в работе с несовершеннолетними.

Результаты исследования показывают, что ключевыми детерминантами латентности преступности выступают дефицит родительского контроля, безразличие взрослых, недостаточный уровень доверия несовершеннолетних к педагогам и органам полиции, а также эпизодический характер межведомственного взаимодействия. В этой связи важное значение приобретает формирование устойчивой модели сотрудничества семьи, школы и полиции, основанной не только на обмене информацией, но и на совместной профилактической работе, направленной на раннее выявление латентных форм противоправного поведения.

Практическую ценность представляет необходимость внедрения в организациях образования механизмов анонимного информирования о фактах психического и физического насилия, вымогательства и иных противоправных деяний среди несовершеннолетних, это позволит снизить страх огласки и повысить выявляемость скрытых преступлений. Одновременно требуется усиление подготовки педагогов в части распознавания скрытых признаков криминализации подростковой среды, кибербуллинга, вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные группы и иных латентных форм девиации.

Полученные результаты также свидетельствуют о необходимости совершенствования деятельности органов полиции путем развития цифровых методов мониторинга социальных сетей и Интернет-ресурсов, поскольку именно цифровая среда в настоящее время становится одним из важных источников выявления латентных преступлений. При этом профилактическая работа должна носить не фрагментарный, а регулярный характер, включающий системный обмен информацией между школами, психологическими службами и органами полиции.

Практическое значение проведенного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке региональных программ профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, совершенствовании деятельности органов полиции, подготовке реко-

мендаций для организаций среднего образования, а также при формировании межведомственных алгоритмов выявления и предупреждения латентных преступлений несовершеннолетних.

Н.Д. Бубербаев, Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының аға ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Кәмелетке толмағандардың жасырын қылмысының детерминанттары: полиция қызметкерлері мен мұғалімдердің сауалнамасының нәтижелері.

Мақала Астана қаласындағы жасөспірімдер арасындағы латенттік қылмыстылықтың жай-күйі мен оны қабылдау ерекшеліктерін полиция қызметкерлері мен жалпы орта білім беру ұйымдарының педагогтары арасында жүргізілген сауалнама нәтижелерін салыстырмалы талдау негізінде кешенді бағалауға арналған. Латенттік қылмыстылықтың ауқымына қатысты кәсіби бағалауларда елеулі айырмашылықтардың бар екені анықталды: полиция өкілдері оны қылмыстық статистикада ресми тіркелетін қылмыстылықпен шамалас немесе одан жоғары деп бағаласа, педагогтар керісінше латенттілік деңгейін төмен бағалап, девианттық мінез-құлықтың негізінен ашық көріністерін ғана тіркейді. Жүргізілген сауалнама неғұрлым латентті қылмыстардың құрылымын түсінуде де біркелкі көзқарастың жоқ екенін көрсетті: педагогтар тұлғааралық агрессиямен жиі ұшырасса, полиция мүлктік және зорлық сипатындағы қылмыстық қол сұғушылықтардың жоғары латенттілігін атап өтеді.

Мақалада жасөспірімдер арасындағы латенттік қылмыстылықтың факторларын талдауға ерекше назар аударылады, олардың қатарына жасөспірімдердің цифрлық ортадағы оқшаулануы, ата-аналық бақылаудың жеткіліксіздігі, ересектердің немқұрайлылығы, сондай-ақ жасөспірімдердің жазадан қорқу факторлары жатады. Мектептердегі профилактикалық жұмыс негізінен формалды сипатқа ие болып, сыртқы институттарға сүйенеді, ал білім беру ұйымдары мен полиция арасындағы өзара іс-қимыл жүйесіз күйінде қалып отыр. Автор ведомствоаралық ынтымақтастықты күшейтудің, мониторингтің цифрлық әдістемелерін дамытудың, педагогтардың хабардарлығын арттырудың және жасөспірімдердің латенттік қылмыстылығының алдын алуда отбасының рөлін нығайтудың қажеттілігін негіздейді. Зерттеу нәтижелері жасөспірімдер арасындағы латенттік қылмыстылықтың қалыптасу және анықталу ерекшеліктерін тереңірек түсінуге елеулі үлес қосып, әртүрлі кәсіби институттардың ұстанымдарын үйлестірудің маңыздылығын айқындайды.

Түйінді сөздер: жасөспірімдер қылмыстылығы, латенттік қылмыстылық, кәмелетке толмағандардың девианттық мінез-құлқы, латенттік қылмыстылық факторлары, жасөспірімдер арасындағы латенттік қылмыстылықты анықтау, жасөспірімдер қылмыстылығының алдын алу, жасөспірімдер қылмыстылығының алдын алу шаралары.

N.D. Buberbayev, Senior Research Fellow, Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan): Determinants of Latent Delinquency Among Minors: Results of a Survey of Police Officers and Teachers.

This paper provides a comprehensive assessment of the state and perception of latent juvenile crime in Astana based on a comparative analysis of the results of a survey of police officers and secondary school teachers. Significant differences in professional assessments of the scale of latent crime have been identified: the police tend to consider it comparable to or exceeding that officially recorded in criminal statistics, while teachers, on the contrary, underestimate the level of latency, recording mainly overt manifestations of deviant behavior. The survey showed that there's a difference in how people see the structure of the most hidden crimes – teachers deal with bullying and interpersonal aggression more often, while the police point to a high level of hidden property and violent crimes.

Particular attention is paid to analyzing the factors of latent juvenile delinquency, which includes the isolation of adolescents in the digital environment, lack of parental control, indifference of adults, and adolescents' fear of punishment. Preventive work in schools is mainly formal in nature and relies on external institutions, while interaction between educational institutions and the police remains unsystematic. The author argues for the need to strengthen interagency cooperation, develop digital monitoring techniques, raise awareness among teachers, and strengthen the role of the family in preventing latent juvenile

delinquency. The results of the study make a significant contribution to understanding the specifics of the formation and detection of latent juvenile delinquency, emphasizing the importance of coordinating the approaches of various professional institutions.

Keywords: juvenile delinquency, latent delinquency, deviant behavior of minors, factors of latent delinquency, detection of latent juvenile delinquency, prevention of juvenile delinquency, measures to prevent juvenile delinquency.

Список литературы:

1. Ардавов М.М., Сурцев А.В. Причины и оценка латентной преступности в России на современном этапе. *Право и управление*. 2023. № 9. С. 51-55.
2. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024-2028 гг. (в сфере профилактики правонарушений)» от 29 декабря 2023 года № 1233. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233> (25.08.2025).
3. Храмов С.И. Латентная преступность: методология познания и основные направления противодействия: монография. Брест, Брест. гос. ун-т. им. А. С. Пушкина. 2010. 152 с.
4. Отчет о научно-исследовательской работе взаимодействие органов внутренних дел с государственными и общественными организациями по профилактике правонарушений несовершеннолетних (заключительный). А.Д. Магденко, З.Р. Танаева. Челябинский юридический институт МВД РФ. Челябинск 2006. 78 с.
5. Абдраманова, Н.К., Алауханов Е.О. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан и их латентность. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2023. № 47. С. 5–16.
6. Наурзалиева, С.М. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан. *Пенитенциарная наука*. 2016. № 1 (33). С. 31-34.
7. Ещанов А.Ш., Сатыбалдиева А.Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты игорного бизнеса среди несовершеннолетних в Грузии: уроки для Казахстана. *Право и государство*. 2025. № 2 (107). С. 109-116.
8. Игнатов, А.Н. Латентность преступности: понятие, виды и механизмы образования. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025. № 6. С. 167-174.

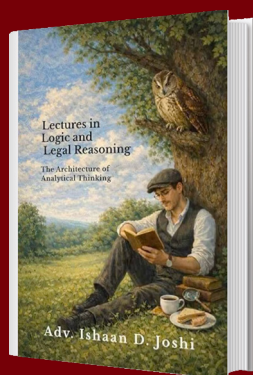
References:

1. Ardavov M.M., Surtsev A. V. Prichiny i otsenka latentnoy prestupnosti v Rossii na sovremennom etape. *Pravo i upravlenie*. 2023. № 9. P. 51–55.
2. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan «Ob utverzhdenii Kontseptsii obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti v partnerstve s obshchestvom na 2024 – 2028 gody (v sfere profilaktiki pravonarusheniy)» ot 29 dekabrya 2023 goda No. 1233. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233> (25.08.2025).
3. Khramov, S.I. Latentnaya prestupnost': metodologiya poznaniya i osnovnye napravleniya protivodeystviya: monografiya. Brestskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.S. Pushkina. Brest. 2010, 152 p.
4. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote: vzaimodeystvie organov vnutrennikh del s gosudarstvennymi i obshchestvennymi organizatsiyami po profilaktike pravonarusheniy nesovershennoletnikh. A.D. Magdenko, Z. R. Tanaeva. Chelyabinskiiy yuridicheskiiy institut Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Chelyabinsk 2006, 78 p.
5. Abdramanova N.K., Alaukhanov E.O. Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh v Respublike Kazakhstan i ikh latentnost'. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2023. № 47. P. 5–16.
6. Naurzalieva S.M. Prestupnost' nesovershennoletnikh v Respublike Kazakhstan. *Penitentsiarnaya nauka*. 2016. № 1 (33). P. 31–34.
7. Eshchanov, A.Sh., Satybaldieva, A. E. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty igornogo biznesa sredi nesovershennoletnikh v Gruzii: uroki dlya Kazakhstan. *Pravo i gosudarstvo*. № 2 (107). 2025. P. 109–116.

8. Ignatov A.N. Latentnost' prestupnosti: ponyatie, vidy i mekhanizmy obrazovaniya. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2025. № 6. P. 167–174.

Для цитирования и библиографии: Бубербаев Н.Д. Детерминанты латентной преступности несовершеннолетних: результаты анкетирования сотрудников полиции и педагогов // Право и государство. № 2(111), 2026. – С. 121-133. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_2_121

Материал поступил в редакцию 16.01.2026

НОВЫЕ КНИГИ

Adv. Ishaan D. Joshi. Lectures in Logic and Legal Reasoning: The Architecture of Analytical Thinking. Notion Press. 2026. – 546 p.

Lectures in Logic and Legal Reasoning approaches logic not as abstract philosophy, but as the working machinery of law and investigation. From analysing witness statements and testing forensic inferences to applying statutory elements and dismantling weak arguments, this book shows how conclusions are built, challenged, and defended under real legal pressure. It moves through deduction, induction, relevance, burden of proof, causal reasoning, syllogism, and linguistic precision with one practical aim: to train the reader to distinguish evidence from assertion and probability from proof. For law students, investigators, advocates, and anyone engaged in legal decision-making, it offers a disciplined framework for constructing arguments that can withstand cross-examination, judicial scrutiny, and institutional doubt.